

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти десять веков назад в городе Киото — тогда он назывался Хэйан и был столицей Японии — женщина, известная под именем Сэй-Сёнагон, получила в подарок кипу хорошей бумаги и начала вести на ней свои записки. Они имеют мало общего с летописью или обычным дневником. Хронологический порядок не соблюден. Если восстановить его, то события, о которых идет речь, расположатся прерывистой цепью, начиная с 986 года и кончая тысячным годом нашей эры. Согласно принятой в японской науке терминологии — это середина хэйанской эпохи. Исторически хэйанская эпоха (IX—XII вв.) принадлежит к раннему Средневековью.

Книга Сэй-Сёнагон многогранна. Бытовые сцены, анекдоты, новеллы и стихи, картины природы, описания придворных торжеств, поэтические раздумья, острые зарисовки обычаев и нравов, «ума и сердца горестные заметы», чередуясь, контрастно оттеняют друг друга.

«Записки у изголовья» — богатейший источник информации. Этот «репортаж из глубины веков» содержит множество красочных и детальных сведений.

Он ведется пронизательным и зорким наблюдателем и создает эффект соприсутствия, как бы снимая четвертую стену. Далекое, почти легендарное прошлое теряет свою музейную застылость и наполняется теплой жизнью.

Надо полагать, творческий замысел книги вызревал постепенно, пока она не приняла свой неповторимо оригинальный облик.

«Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении моего дома, где, как я думала, никто ее никогда не увидит».

Словами сожаления о том, что потаенная рукопись волею случая все же стала известна людям, завершила Сэй-Сёнагон свои прославленные «Записки у изголовья».

Название книги не принадлежит автору, оно было закреплено за ней путем отбора, как самое удачное, в последующие века. «Записки у изголовья» (по-японски «Макура-но соси») — так именовались в старину и тетради для личных замет, и сами эти заметы. В твердом японском изголовье иногда устраивался выдвижной ящик, где можно было спрятать от чужих глаз письмо или тетрадь.

Возле изголовья, в глубине своей опочивальни, Сэй-Сёнагон могла свободно, с неслыханной для женщины смелостью, писать о том, чему она явилась свидетельницей. В «Записках у изголовья» действуют не вымышленные герои, а исторические лица, под их настоящими именами. Некоторые из них после очередного дворцового переворота подверглись опале. Это придавало книге особую остроту. Люди той эпохи, читая между строк, понимали,

что на блестящих торжествах уже лежит темная тень грядущих событий и что главные действующие лица, упоенные жизненным успехом, в сущности, обречены.

С юмором, подчас едким, Сэй-Сёнагон изображает комедию двора и комедию куртуазной любви, иногда как бы пародируя модные романы своего времени. Она мастер мгновенного портрета, несколько штрихов — и сходство схвачено. Куртизаны и чиновники, слуги и монахи, придворные дамы и нищенки — на страницах ее записок каждый говорит своим языком и играет свою характерную роль.

Для такой книги нужно было покрывало тайны, хотя бы прозрачное, вроде той вуали, которую спустили хэйанские женщины с широких полей своей шляпы.

Но в самом ли деле Сэй-Сёнагон не хотела, чтобы ее записки когда-либо нашли читателя? Или, вернее, оберегала внутреннюю свободу, неотъемлемое право художника распоряжаться как угодно в своем собственном поэтическом хозяйстве?

«Пишу для себя» — хорошее средство самозащиты против мелочной критики эстетов и мстительных обид людей, которых Сэй-Сёнагон имела дерзость высмеять.

«Мои записки не предназначены для чужих глаз, и потому я буду писать обо всем, что в голову придет, даже о странном и неприятном».

Смело нарушая общепринятые каноны изящного, эстетические запреты своего времени, Сэй-Сёнагон наряду с картинами, исполненными высокой поэзии, не боялась показать пестрый сор буднично-

го быта: рисовый крахмал, размокший от воды, циновку с потрепанными краями... Частая смена планов, чередование высокого и низкого создают ощущение полноты жизни и достоверности изображения. Помпезное дворцовое зрелище неожиданно завершается потасовкой нищих.

«Записки у изголовья» — не исповедь. Не приглушенный разговор с самим собой. Все богатейшие изобразительные средства, которыми великолепно владела писательница, поставлены на службу главной цели: они призваны воздействовать на читателя, обращены к нему и вне общения с ним так же не имели бы смысла, как мост, который, вместо того чтобы соединить два берега, был бы доведен только до середины реки.

Книга Сэй-Сёнагон, как и вообще японское искусство, не терпит торопливости, бездумного скольжения по поверхности. Творчество и его последующее восприятие, согласно японской эстетике, — нерасторжимое единство. Прекрасное создание искусства как бы ищет того, кто способен к сотворчеству, и лишь перед ним раскрывается до конца.

В своих записках Сэй-Сёнагон широко распахивает перед нами дверь в удивительный и своеобразный мир древней Японии. Он предстает перед нами живым, его видишь и слышишь в быстрой смене беглых картин и эпизодов, полных комизма или высокой поэзии. Мир этот густо населен цветами, деревьями и птицами, в нем есть место и для звездного неба, и для маленького сверчка. В то же время он очень человеческий. Круг женских интересов четко очерчен. Мы видим детские игры, кружок сплетниц, разлуку с возлюбленным на заре...

Это вещный мир. В нем столько вещей, словно Сэй-Сёнагон ведет инвентарь эпохи. Но каждый предмет (пусть даже он только назван по имени) сразу становится художественной деталью общей картины.

Сэй-Сёнагон — великий мастер слова. Искусство ее сродни японской школе живописи ямато-э и черпает в ней источник вдохновения. Она словно разворачивает перед читателем длинный горизонтальный свиток, из тех, которые были так любимы в ее время. Каллиграфически написанный текст на свитках эмакимоно — сам по себе праздник для глаз — сопровождался цветными рисунками.

Сэй-Сёнагон обдуманно, с тончайшим расчетом, пользуется изобразительными средствами живописи и сама говорит об этом: «Казалось, она (государыня) сошла с картины», «Это напоминало картину на ширмах».

Читатель должен мысленно увидеть то, что с таким замечательным искусством показывает ему Сэй-Сёнагон, и не просто увидеть, но и разделить с ней радость созерцания прекрасного.

В «Записках у изголовья» много психологических этюдов. Отправной момент для анализа — человеческое чувство в его сложных противоречиях, часто неподвластное разуму, непокорное догмам. Осознана и утверждается своя творческая и человеческая индивидуальность. Осознана и оспаривается неравноправность глубоко и тонко чувствующей женщины, запертой в отдаленных покоях дома.

Книга Сэй-Сёнагон — полифонический оркестр, в котором каждый инструмент имеет свой тембр, свою окраску, свою партию, но вместе они испол-

няют единое произведение. Многие части в нем звучат празднично, мажорно.

Но снова и снова повторяется и варьируется на разные лады приглушенный лейтмотив недолговечности счастья, неотвратимой беды и людской несправедливости.

«Записки у изголовья» — одно из самых любимых и замечательных творений японской классической литературы. Книга эта не переставала восхищать и радовать многие поколения читателей. Она оказала огромное влияние на японскую литературу и в наши дни получила мировую известность.

Чтобы такая книга могла возникнуть, японская литература уже должна была пройти длинный и трудный путь. В «Записках у изголовья» найдены новые принципы композиции и художественного изображения на основе творчески воспринятых традиций. Весь образный строй книги тесно связан с духовной и материальной культурой хэйанской эпохи.

Культура хэйанской эпохи — явление сложное и своеобразное. В ней причудливо сплелись элементы, восходящие к глубокой древности, когда искусство было еще общенародным, с утонченной эстетикой, необычайно рафинированным культом красоты. Любование красотой во всех ее возможных гранях становится мироощущением образованных людей господствующего класса и во многом формирует стиль искусства. Быстро достигнув расцвета, прекрасная, но слишком хрупкая культура хэйанской эпохи уже в одиннадцатом веке проявляет некоторые опасные симптомы упадка. С крушением

хэйанской аристократии культура эта частично погибает или вынуждена трансформироваться.

Блистательная проза, изысканная поэзия, созданные Сэй-Сёнагон и другими талантливыми женщинами Хэйана, отличаются совершенством стиля и филигранной утонченностью. В «Записках у изголовья» мы находим эстетическое кредо эпохи, разработанное до мельчайших деталей.

Необычайно скорое вызревание столь высокой культуры в недрах раннего Средневековья представляет собой любопытный исторический феномен, который требует объяснения, хотя бы в самых общих чертах.

Японская культура молода по сравнению с великими цивилизациями Китая, Индии, Ирана, Греции и Рима, и отношение у нее к ним преемственное: ученика к учителям.

Близость японских островов к евразийскому континенту содействовала обогащению и ускоренному развитию своей отечественной культуры. Япония в древности была открытой страной. Она поддерживала интенсивные торговые и культурные связи с материком. Море защищало ее от иноземных вторжений. Время кровавых феодальных междоусобиц еще не наступило, и в стране царил относительный мир.

В течение первого тысячелетия нашей эры, особенно во второй его половине, со всевозрастающей скоростью шел процесс усвоения «заморской культуры». Она была постепенно переработана самобытным гением японского народа, содействовала развитию социальных отношений, агрикультуры, ремесел и неотъемлемо вошла в быт, обычаи, верования,

искусство древней Японии. Эта «заморская культура» состояла из многих компонентов, заимствованных в разное время у разных народов. Поэтому дать ей общее собирательное наименование можно только условно.

По великим торговым путям, пересекавшим всю Центральную Азию, предприимчивые купцы везли товары из западных стран на восток, в Китай, а оттуда морским путем в Японию — последнее звено длиннейшей цепи.

Древняя Япония не была отторжена от мировой культуры, приобщение к ней являлось творческим созидательным процессом. Японские умельцы переняли от приезжих корейских или китайских мастеров секреты высокого мастерства, но не стали рабски копировать чужие образцы. Вот почему искусство раннего Средневековья так неповторимо своеобразно.

Японское государство в значительной мере сформировалось под непосредственным влиянием своих континентальных соседей — феодальных государств Силла в Корее и империи Тан в Китае. Влияние их, как своего рода катализатор, стимулировало и ускорило ход общественного развития в Японии, где уже сложились социально-исторические предпосылки для перехода от родового строя к раннему феодализму. Стремясь сосредоточить всю полноту власти в своих руках, правительство в седьмом и восьмом веках провело ряд реформ. Ориентиром и образцом для них послужила танская империя (618—907).

Индийская мифология, индийское искусство, проникшие в Японию вместе с буддизмом, принес-

ли с собой сокровищницу поэтических образов и дали могучий толчок народному воображению. Народная мифология, сказочный фольклор Японии, японское изобразительное искусство крепко и органично впитали в себя индийские образы и наполнили их подлинно японским содержанием.

Первой постоянной столицей Японии в 710 году стал город Нара. В нем и сейчас еще можно увидеть древнейшие буддийские храмы и статуи.

В конце восьмого века было решено по политическим соображениям перенести столицу из Нары в другое место. Новую столицу — Хэйан (что значит «Мир и спокойствие») — начали строить строго по плану в живописной долине среди гор. Были проложены прямые и широкие улицы.

Хэйан должен был соперничать великолепием со знаменитой столицей танской империи Чанъань. При дворе с большой помпой совершались «китайские церемонии». Так впоследствии дворы многих европейских королевств ввели у себя виртуозно разработанный этикет Мадрида времен Филиппа II, Версаля времен Людовика XIV.

Из Китая была заимствована конструкция правительственного аппарата, слишком громоздкая для молодой Японии, с целой пирамидой министерств, департаментов, канцелярий и ведомств. Во главе стояли канцлеры и регенты из правящей северной ветви рода Фудзивара, постепенно, разными хитроумными способами прибравшие к своим рукам власть в стране и огромные богатства. Это они раздавали кому хотели земельные наделы. Продвижение по службе зависело лишь от протекции. Введена была табель о рангах, от первого (главный министр)

до восьмого (всякая мелкая сошка). Расплодились синекуры. Часто звания и титулы были только почетными и не налагали никаких обязанностей.

Родовая знать хлынула в столицу, поближе к императорскому двору. На верхних ступенях лестницы шла борьба за власть. На ступенях пониже стремились получить повышение в ранге, почетное звание или хотя бы хлебное местечко где-нибудь в провинции. Сэй-Сёнагон часто описывает такие сцены.

Аристократия (кидзоку) стала вести паразитический образ жизни. Аристократы не воевали, хотя и служили в гвардии, оружие было для них парадным украшением или магическим средством: злые духи якобы боялись обнаженного меча или звона тетивы.

Основной ценностью в стране считался рис. Главным источником доходов для аристократов служили поместья (сёэн), но владельцы земель чаще всего не жили в своих поместьях и поручали надзор за ними управляющим, хотя в записках Сэй-Сёнагон можно найти описание визита к сельскому помещику из старинного рода.

Подобный абсентеизм медленно, но верно подтачивал господство хэйанской аристократии и в будущем оказался одной из причин ее конечного поражения в войне с сильными феодалами. Во времена Сэй-Сёнагон погибла лишь одна веточка правящего рода Фудзивара, но отдельные нотки печали, проскальзывающие в «Записках у изголовья», как бы предваряют тот мощный похоронный звон, который будет звучать в более поздних средневековых произведениях, повествующих о гибели хэйанской эпохи.

* * *

Духовная культура господствующего класса — хэйанской аристократии — развивалась в условиях, благоприятных для литературы и искусства. Высоко ценилось классическое образование в китайском духе. Оно открывало доступ к чинам — так, во всяком случае, гласила буква закона.

Китайский язык стал играть в Японии ту же роль, что и латинский в средневековой Европе. Он служил целям просвещения и делопроизводства. Через него приобщались к сокровищам китайской художественной литературы, истории и философии. Были учреждены университет и школы, где изучались китайские классические книги, танское законодательство и начала математики, защищались диссертации и присваивались ученые звания.

Великие китайские поэты, и в первую очередь Бо Цзюйи (772—846), были известны всем образованным людям, как в Европе Гораций или Вергилий. Любимейшие китайские стихи в японском переложении были, что называется, «на слуху» даже у простых людей. Их исполняли на улицах как городские романсы.

Но японская художественная литература раннего Средневековья сохранила свою неповторимую самобытность, несмотря на мощное влияние Китая, Кореи, Индии. Она выросла на народной почве, что нетрудно обнаружить, прослеживая генезис куртуазной поэзии и куртуазного романа.

В эпоху Нара (VIII в.) с помощью китайских иероглифов удалось записать древние японские мифы и предания, народные песни и стихи поэтов. Так возникли величайшие литературные памятники

древней Японии: «Кодзики» («Летопись древних деяний») и антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»)¹. В антологии «Манъёсю» живет могучая песенная стихия, прекрасный мелос тех времен, когда поэзию творил еще весь народ.

Прославленное японское пятистишие — танка — восходит к народной песне. Оно пронесло сквозь века свою изначальную форму, основные принципы японского стихосложения и японской поэтики, совершенствуя их и шлифуя, соединяя музыку стиха с утонченной образностью.

В 905 году появилась антология японской лирики «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен»). Для последующих поколений стихи «Кокинсю» стали каноном и образцом высокой поэзии.

Когда на основе курсивного иероглифического письма была создана в девятом веке слоговая азбука (кана), японская художественная литература стала доступной для женщин. Лишь очень немногие из них получали в семье китайское классическое образование, но зато им вменялось в обязанность выучить наизусть все двадцать томов «Кокинсю» и изящно писать японские знаки.

В десятом веке появилось много японских популярных романов с увлекательной фабулой. Женщины, скучавшие в своем затворничестве, зачитывались ими до самозабвения. Сэй-Сёнагон приводит длинный перечень романов, от большинства из них остались только названия.

В «Записках у изголовья» изображен горячий спор, разгоревшийся среди придворных дам по по-

---

¹ *Манъёсю*. В 3 томах / Перевод с японского, вступительная статья и комментарии А. Е. Глускиной. — М.: Наука, 1971.

воду модной тогда новинки — романа «Дуплистое дерево» («Уцубо-моногатари»).

Ранние хэйанские романы были насыщены сказочными фольклорными мотивами, но в них находили себе место и точные жизненные наблюдения. Так постепенно подготавливалась почва для большого реалистического романа.

Японские женщины раннего Средневековья — не только потребительницы и судьи отечественной литературы, но и лучшие ее творцы. Именно они создали блистательную хэйанскую прозу. Среди них насчитывалось немало превосходных поэтесс. Все жанры хэйанской прозы обязательно включали в себя стихи.

Интенсивно рождались разные прозаические жанры. Дневники (никки) имели тенденцию превратиться в лирическую повесть — о своей жизни и любви. Таков написанный в десятом веке «Дневник летучей паутинки» («Кагэро-никки»). Женщина, автор этого дневника, именуется «Матерью Митицуна», — собственного имени ее не сохранилось. На исходе века пишутся «Записки у изголовья», а в начале одиннадцатого века современница Сэй-Сёнагон, придворная дама Мурасаки-Сикибу создаст один из величайших романов мира — «Гэндзи-моногатари» («Повесть о принце Гэндзи»). Список прекрасных литературных творений, созданных женщинами Хэйана, можно бы продолжить.

Мужчины не считали зазорным для себя слагать танки, это было освящено традицией, приносило славу и почет; все огромное поле японской художественной прозы было оставлено женщинам: мужчине полагалось писать на китайском языке.

Для того чтобы появилась целая плеяда замечательных писательниц, нужны были особые исторические условия. Женщина в хэйанскую эпоху еще не вполне утратила независимое и почетное положение, которым она пользовалась при родовом строе. Императрицы охотно собирали в своих литературных салонах талантливых женщин из низших, небогатых слоев аристократии. Хорошо начитанные, с тонко развитым эстетическим вкусом, придворные дамы имели больше возможности наблюдать жизнь, чем запертые, по обычаю, в четырех стенах матери семей. Сэй-Сёнагон предпочла придворную карьеру замужеству, но при дворе она не совсем «своя», знатные дамы не доверяли ей, считали выскочкой и при случае старались унижить и оскорбить. Именно некоторое отчуждение, зоркий взгляд со стороны и помогали ей лучше увидеть комедию двора.

Как полагают японские исследователи, Сэй-Сёнагон родилась в 966 году. Следует сразу же оговориться, что реконструкция ее биографии во многом строится на догадках, гипотезах и не вполне достоверных данных.

Мы не знаем в точности, когда родилась Сэй-Сёнагон и как ее звали. В семейные родословные вписывали только имена сыновей. Происходила она из довольно знатной, но захудалой семьи Киёвара. Сэй-Сёнагон — ее дворцовое прозвище. Фамилия Киёвара писалась двумя иероглифами. Сэй — односложное китайское чтение первого из них — играет роль отличительного инициала перед званием сёнагон (младший государственный советник). В применении к женщине — это пустой, лишенный

смысла титул, один из тех, что давали фрейлинам невысокого ранга.

Члены семьи Киёвара не выдвинулись на служебном поприще, зато отличались талантами. Фукаябу, прадед Сэй-Сёнагон, и отец ее Мотосукэ (908–990) были в свое время известнейшими поэтами, но занимали они мелкие, недоходные должности.

Мотосукэ бывал рад, если ему при помощи протекции удавалось получить пост правителя провинции. Обычно провинциальные чиновники (дзурё) оставались на таком посту года четыре, много шесть, а потом приходилось долгие годы вновь ждать назначения.

Мотосукэ было уже под шестьдесят, когда родилась младшая дочь — будущая Сэй-Сёнагон. Возможно, что раннее детство она провела вместе с отцом в провинции.

В семье жили литературными интересами, любили музыку. Девочка получила неплохое образование, даже познакомилась с китайскими классиками.

Японское поэтическое искусство она, несомненно, изучила очень глубоко, во всех его тонкостях под руководством своего отца.

Каждая образованная девушка умела в те времена сочинить к случаю танку. Но от дочери Мотосукэ ждали большего: подлинной высокой поэзии, и это впоследствии доставило ей немало страданий.

Слушая в буддийских храмах «проповеди для мирян», Сэй-Сёнагон с юности приобщалась к большому миру индийской религиозной философии и образности. Она читала и учила наизусть священные книги, в первую очередь Сутру Лотоса. Но

вместе с тем буддийские верования, как можно заметить, не занимали значительного места в ее интеллектуальной и духовной жизни. Сэй-Сёнагон восприняла, конечно, в готовых формулах общепринятые буддийские догмы о перевоплощении души, о карме — неизбежном возмездии за дурные дела и награде за добрые поступки в этой жизни или будущих рождениях.

Через буддизм сильнее ощущалась непрочность всего земного, это парадоксально обостряло наслаждение жизнью и служило одним из источников поэтических вдохновений.

В храмах она любовалась красивыми обрядами и пронизательно подмечала смешное: проповедника, который вдруг воодушевляется, увидев знатную особу, а среди прихожан — отставного чиновника, пришедшего в храм развеять скуку, молодых людей, ищущих любовных походов.

Для хэйанских аристократов характерно двоеверие: они соединяли в один колоссальный пантеон «мириады богов» исконной японской религии синто с буддийскими божествами и всеми древними индийскими богами. Было в обычае выполнять обряды, и буддийские и синтоистские, которые превращались при этом в систему защитной магии.

Процветали всевозможные мистические толки и суеверия, гадания и шаманство. Болезнь считалась наваждением злого духа, и к страждущему призывался не врач, а заклинатель. Сэй-Сёнагон неоднократно возвращается в своих записках к описанию сцен, разыгрывавшихся у постели больного.

Как человек своей эпохи, она верила во все, во что принято было верить, но центральное место в ее

духовной жизни занимал творчески воспринятый культ красоты. В Дни поминовения имен Будды Сэй-Сёнагон слушала светский концерт: «О, я знаю, грех мой ужасен... Но как противиться очарованию прекрасного?»

В 981 году (?) Сэй-Сёнагон, как думают некоторые ее биографы, вышла замуж за некоего Татибана Норимицу, чиновника невысокого ранга, и вскоре родила сына. Брак оказался неудачным, супруги расстались. В 993 году (?) Сэй-Сёнагон — ей уже было под тридцать — поступила на придворную службу, в свиту императрицы Садако. Той было всего семнадцать лет. Садако — центральный персонаж «Записок у изголовья» — наделена красотой и тонким умом. У нее в высокой степени присутствует столь ценный в Хэйане дар мгновенно откликаться на любой поэтический намек. Она — добрая госпожа. Повесть о ней проходит сквозь всю книгу, но внутренняя связь событий нарушена и прослеживается нелегко. О многом Сэй-Сёнагон просто не смеет говорить, но современникам был ясен трагический подтекст рассказа о недолгих днях величия и славы императрицы и ее близких.

Садако, старшая дочь всесильного канцлера Мититакá, была четырнадцати лет от роду выдана замуж за мальчика — императора Итидзё. Фудзивара всегда поставляли жен в императорский гинекей. Итидзё тогда едва исполнилось десять лет. Подлинные властители — Фудзивара предпочитали видеть на престоле совсем юных, послушных им во всем императоров. Строптивного монарха всегда можно было заставить отречься от престола и принять иноческий чин.

На страницах записок часто фигурируют Корэтика и Такаиэ, старшие сыновья канцлера, осыпанные его милостями. В начале 995 года Мититака выдал замуж свою вторую дочь за наследника престола. Состоялись великолепные торжества. Но неожиданно канцлер тяжело заболел. Поручив ведение всех дел старшему сыну Корэтика как своему наследнику, он, по обычаю, подал в отставку. Вскоре он скончался.

Между сыновьями покойного канцлера и братом его Митинагой вспыхнула борьба за власть. Телохранители и слуги враждующих партий устраивали кровавые драки на дорогах. Заклинатели предали Митинагу страшным проклятиям, но это не помешало ему одержать победу над своими противниками. Корэтика и брата его Такаиэ сослали в дальние провинции. Однако вскоре Корэтика тайно вернулся в Хэйан, чтобы проститься с умирающей матерью. Его застигли в покоях императрицы Садако и вновь отправили в изгнание.

Звезда Садако закатилась. Императрицу постригли в монахини, и, хотя ее супруг все же не захотел с ней окончательно расстаться, с тех пор она попала в немилость. В довершение всех несчастий сгорел ее дворец, и Садако пришлось искать приюта то в чужом доме, то в разных служебных постройках. Об этом много говорится на страницах записок. Опальная императрица становится как бы поэтическим образом печальной, отверженной красоты.

Для самой Сэй-Сёнагон наступили тяжелые дни. Дамы из свиты Садако обвинили Сэй-Сёнагон, будто бы она в тайном стоворе с врагами из лагеря нового канцлера, и ей пришлось на время удалиться

в свой дом. Сэй-Сёнагон глубоко и остро переживала всеобщую недоверчивость к ней, наветы и обиды. Ведь за душой у нее ничего не было, кроме таланта. Как она замечает, соловьи не водятся в дворцовых рощах. Много веков спустя это же скажет Г.-Х. Андерсен в своей сказке «Соловей».

В конце 1000 года императрица умерла родами, оставив троих малолетних детей. Их разобрали родственники, и Сэй-Сёнагон, как думают, покинула службу при дворе.

Согласно некоторым не вполне достоверным сведениям, Сэй-Сёнагон пришлось выйти замуж за провинциального чиновника и уехать с ним куда-то в глушь. У нее родилась дочь Кома, будущая поэтесса. Но потом Сэй-Сёнагон рассталась с мужем. Где она ютилась в старости? Два ее брата трагически погибли. По слухам, она постриглась в монахини.

Рассказывают, что один путник увидел жалкую хижину, откуда высунулась изможденная старуха и крикнула: «Почем идет связка старых костей?» Догорающая жизнь стала страшной гротескной легендой. Могилу Сэй-Сёнагон показывают в нескольких провинциях, подлинное место захоронения неизвестно.

По-настоящему мы знаем о Сэй-Сёнагон только то, что она вольно или невольно рассказала в своих записках о самой себе.

Сэй-Сёнагон, по собственному признанию, была не слишком красива, недаром художник, изобразивший ее на рисунке в одной из средневековых антологий, не показал нам ее лица. Она сидит, повернувшись спиной, и держит в руках веер.

Зато она первенствует в состязаниях на быстроту ума и в поэтических играх и не прочь этим при случае похвалиться. Сэй-Сёнагон говорит о своих небольших светских победах в преувеличенно восторженном тоне, и становится понятным, как, в сущности, непрочно было ее положение при дворе. К низшим она относится с пренебрежением и, отгораживаясь от всего простонародного, даже утверждает, что в глаза не видела, как растет рис на поле. Она хочет казаться тем, чем никогда не была — придворной дамой высокого ранга, — но на каждом шагу терпит унижения.

Колючая, ироничная, честолюбивая, Сэй-Сёнагон нажила себе много врагов и страдала от этого, она впечатлительна и ранима: «Странная вещь — сердце, как легко его взволновать!»

Но самое главное в ней — острая наблюдательность, жадность до жизненных впечатлений. Она сама удивляется своему ненасытному любопытству.

Сэй-Сёнагон любит все, что носит на себе печать своеобразия в природе и в повседневном быту. Для нее характерны постоянные поиски индивидуального. Стремление выделиться из однообразной толпы ограниченных, самодовольных женщин, закрепиться, создать свою судьбу — это ведь форма борьбы за существование. Но в Сэй-Сёнагон живет и чисто женское, материнское начало: любовь к детям, ко всему малому, слабому.

«Записки у изголовья» состоят из многих повествовательных единиц разной длины, иногда предельно коротких. Каждый такой компонент именуется по-японски «дан» (ступень). Авторским текстом мы

не располагаем, а в дошедших до нашего времени старинных списках число данов неодинаково — в среднем их около трехсот, — и расположены они по-разному.

Помимо неизбежных ошибок переписчиков, исправлений непонятного и пропусков, творение Сэй-Сёнагон не избежало в веках непрошеного «сотрудничества». Книга, состоящая из отдельных записей, особенно легко поддавалась перестройке. Это задавало текстологам множество загадок.

Какова была первоначальная архитектоника книги? Был ли материал классифицирован по рубрикам, как это имело место в поэтической антологии «Кокинсю»? Или заметки следуют одна за другой в пестром беспорядке, так, как их писала Сэй-Сёнагон, — «...под вечер, когда // Перо по книжке бродит»¹.

Последнее предположение вернее. Родился новый самобытный жанр японской прозы — дзуйхицу («вслед за кистью»). Принцип жанра — полная свобода писать, не сообразуясь с каким-нибудь планом, вне рамок заданной фабулы, как бы следуя за пером (в Японии, конечно, за кистью). Жанр этот оказался очень плодотворным. Он не имеет полной аналогии в мировой литературе. Иногда его определяют как эссе. Пожалуй, ближе всего к нему записные книжки и дневники писателей.

Однако, быть может, пестрый хаос заметок только кажущийся и книга построена с сознательным расчетом большого мастера? Открывает ее знаменитый дан («Весною — рассвет»), который можно на-

---

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах, т. 1. — М.: Художественная литература, 1974. — С. 543.

звать программным для эстетических взглядов Сэй-Сёнагон. Замыкает книгу эпилог, в котором рассказана история ее создания. Некоторые даны сцеплены по смыслу или ассоциации. Это позволяет хотя бы гипотетически определить изначальную архитектуру «Записок у изголовья».

Обычно даны по их характеру подразделяют на три разных рода: «перечисления», рассказы о пережитом и собственно дзуйхицу (разные заметы).

Так называемые перечисления — оригинальная особенность книги. Они позволяют сопоставить по ассоциации (часто неожиданной) и по контрасту явления окружающего мира или человеческие чувства.

Исследователи обычно указывают, что идею перечислений Сэй-Сёнагон заимствовала у китайского писателя Ли Шаньина (812—858)¹. Действительно, его изречения собраны в серии под обобщающими заголовками. Он умело пользуется эффектом неожиданности, соединяя далекие между собой вещи и события.

Неприятно:
резать тупым ножом;
плыть на лодке с рваными парусами;
когда деревья заслоняют пейзаж;
когда забором заслонили горы;
остаться без вина, когда распускаются цветы;
пировать летом в душном закутке.

(Перевод И. Э. Цыперович)

Сэй-Сёнагон заметила богатые возможности, которые дает цепь перечисления и для сатиры,

¹ Цзацзуань. Изречения китайских писателей, IX—XIX вв. — М.: Наука, 1975. — С. 38—56.

и для изображения быта, и для психологического анализа.

Сопряженные между собой в перечислениях слова, обозначающие предметы или явления, получают особую дополнительную окраску, особое звучание. Обобщающий заголовок точно фиксирует то или иное чувство или настроение, которое должно возникнуть у читателя.

Умело разработана поэтическая топонимика. Название местности заставляет вспомнить легенду, стихи или песню. Возвышенное сталкивается со смешным или курьезным. Иногда собственные имена соединяются так, что возникает короткий диалог или миниатюрная сцена.

В «Записках у изголовья» приводится много народных преданий, поверий и легенд. Хэйанская аристократическая элита не могла полностью отгородиться от народного творчества, оно подстилало весь быт, всю поэзию, зрелища и обряды. Вот почему, несмотря на иноземные влияния, хэйанская литература осталась такой своеобразной, такой чисто японской.

В записках немало рассказов о пережитом. Исследователи думают, что книга Сэй-Сёнагон именно с них и началась. Это бытовые сцены и небольшие новеллы. Некоторые — таких очень мало — относятся к тому времени, когда Сэй-Сёнагон еще не служила в свите императрицы, но большинство из них — своего рода дворцовая хроника. Сэй-Сёнагон предстает перед нами как смущенный новичок, как опытная фрейлина и, наконец, как усталая, надломленная женщина.

Лирические поэмы в прозе, созданные Сэй-Сёнагон, прославлены в японской литературе. Сжатые, лаконичные — ни одного лишнего слова, — они необычайно картинны и музыкальны и, апеллируя к внутреннему зрению и слуху читателя, стремятся разбудить в его душе глубокое лирическое волнение.

Как стихотворец Сэй-Сёнагон гораздо слабее. В составе «Записок у изголовья» шестнадцать ее собственных танок. «Экспромты на случай», они примечательны только игрой слов и остроумием. До нас дошел также небольшой поэтический сборник — «Стихи Сэй-Сёнагон». Современники не включали Сэй-Сёнагон в число знаменитых поэтов, и позже оценка эта не изменилась.

Но Сэй-Сёнагон подняла лирическую прозу на высоты поэзии. Она великолепно рисует картины природы. Лирика Японии с самых ее исконных народных истоков была во все времена тесно связана с жизнью природы. Пейзаж в круговороте времен года не только служил богатейшим источником метафор для того, чтобы изобразить разные состояния человеческой души, но рождалась и «обратная связь»: пейзаж настраивал на особый лад.

Человек находился в гармонии с природой. Иногда возникал контраст, мучительное противоречие, например, между старостью, знающей, что молодость невозвратима, и весной вечно обновляющейся природы.

Самый первый дан в «Записках у изголовья» оказал глубокое влияние на литературу и эстетику Японии. Быстро сменяя друг друга, возникают картины четырех времен года. Поэтические образы

очень глубоки. В них раскрывается перед нами философия красоты, присущая хэйанской эпохе.

Сэй-Сёнагон дифференцирует разные типы красоты и говорит в своей книге о красоте возвышенной, вызывающей священный трепет, о красоте утонченно-изящной, о печальной красоте, о необычайной, оригинальной красоте, о красоте, которую можно назвать заурядной, и т.д. Обычно эти оценочные слова эмоционально окрашены и замыкают собой живописную картину.

Высший род гармонической красоты — «моно-но аварэ». Он вызывает глубоко лирическое чувство, окрашенное печалью. С ним тесно связано философское раздумье о непрочности бытия. Влияние китайской поэзии здесь особенно заметно. Но элегическая лирика моно-но аварэ до крушения Хэйана еще лишена напряженного трагизма, который звучит, например, в стихах поэта двенадцатого века Сайге, посетившего «сей мир в его минуты роковые».

Особенно часто в «Записках у изголовья» повторяется слово «окаси» (прекрасный). Это красота, вызывающая радостное удивление своей оригинальной неповторимостью. При всей своей прелести она лишена глубины моно-но аварэ. Сэй-Сёнагон, наделенная большой зоркостью и юмором, умела найти необычный угол зрения. Такие поиски свойственны японскому искусству — изобразительному и поэтическому. Во все века они тесно переплетались между собой.

Изучать творение Сэй-Сёнагон начали позже, чем роман «Гэндзи-моноготари», оттого, возможно,

что в «Записках у изголовья» изображены люди, попавшие в опалу. Много драгоценного времени было потеряно, и в руках средневековых комментаторов оказались только поздние противоречивые списки.

Главными из них считаются четыре. В двух списках материал классифицирован, в остальных расположен в свободном беспорядке — по принципу дзуйхицу. Одна из версий типа дзуйхицу была опубликована в 1674 году известным поэтом и исследователем древней японской литературы Китамурой Кигином (1624—1705). Это издание сопровождалось ясным и хорошим комментарием, долго служило основой последующих публикаций и было широко использовано для учебников и хрестоматий.

В конце тридцатых годов нашего века¹ был найден новый вариант «Записок у изголовья», гораздо более достоверный и разрешивший многие сомнения. Теперь его считают главным. Вариант, опубликованный Китамурой Кигином, занял второе место, как подсобный материал для сверки и дополнений.

Наш перевод «Записок у изголовья» базируется на новом варианте.

В основу перевода положен текст «Записок у изголовья», изданный в серии «Японская классическая литература», т. 19. Редакция и примечания Икэды Кикана и Кисигами Синдзи (Токио: Иванами Сё-тэн, 1963). Привлечен также критический текст с комментариями Сиоты Рёхэя «Макура-но соси хёсяку» (Токио: Гакусэйся, 1963).

Вера Маркова

---

¹ Имеется ввиду конец 1930-х годов. — *Примеч. ред.*

1. Весною — рассвет

Весною — рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озаарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом — ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя — необыкновенно красиво.

Осенью — сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, — какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад...

Зимой — раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, — так и чувствуешь зиму! К полудню

холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

2. Времена года

У каждой поры своя особая прелесть в круговороте времен года. Хороши первая луна, третья и четвертая, пятая луна, седьмая, восьмая и девятая, одиннадцатая и двенадцатая.

Весь год прекрасен — от начала до конца.

3. Новогодние празднества

В первый день Нового года радостно синеет прояснившееся небо, легкая весенняя дымка преобразует все кругом.

Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем, поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав. Как густо они всходят, как свежо и ярко зеленеют даже там, где их обычно не увидишь, внутри дворцовой ограды!

В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку подбросило на дороге. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются. Слышен веселый смех.

Помню, как я первый раз поехала посмотреть на шествие «Белых коней».

За воротами возле караульни Лево́й гвардии толпились придворные. Они взяли луки у телохрани-

телей, сопровождающих процессию, и стали пугать коней звоном тетивы.

Из своего экипажа я могла разглядеть лишь решетчатую ограду вдаль, перед дворцом. Мимо нее то и дело сновали служанки и камеристки.

«Что за счастливицы! — думала я. — Как свободно они ходят здесь, в высочайшей обители за девятью воротами. Для них это привычное дело!»

Но на поверку дворы там тесные. Телохранители из церемониальной свиты прошли так близко от меня, что были видны даже пятна на их лицах. Белила наложены неровно, как будто местами стаял снег и проступила темная земля...

Лошади вели себя беспокойно, взвивались на дыбы. Поневоле я спряталась от страха в глубине экипажа и уже ничего больше не увидела.

На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю.

Пятнадцатый день — праздник, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния».

В знатных домах все прислужницы — и старшие, почтенные дамы, и молодые, — пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлопнуть друг друга, посматривая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них самый потешный! Вдруг хлоп! Кто-то не уберется, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует.

Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме ее родителей, собирается утром пятнадцатого дня отбыть во дворец. Эту минуту и караулят женщины. Одна из них притаилась

в дальнем углу. В любом доме найдется такая, что повсюду суется первой. Но другие, оглядываясь на нее, начинают хихикать.

— Тсс, тихо! — машет она на них рукой.

И только юная госпожа, словно бы ничего не замечая, остается невозмутимой.

— Ах, мне надо взять вот это! — выскакивает из засады женщина, словно бы невзначай подбегает к юной госпоже, хлопает ее мешалкой по спине и мгновенно исчезает. Все дружно заливаются смехом.

Господин зять тоже добродушно улыбается, он не в обиде, а молодая госпожа даже не вздрогнула, и лишь лицо ее слегка розовеет, это прелестно!

Случается, женщины бьют мешалкой не только друг друга, но и мужчину стукнут.

Иная заплачет и в гневе начнет запальчиво укорять и бранить обидчицу:

— Это она, верно, со зла...

Даже во дворце государя царит веселая суматоха и строгий этикет нарушен. Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом, все равно в императорский дворец стекается толпа чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие свои достоинства.

Откуда им знать, что юные насмешницы после безжалостно передразнивают и вышучивают их?

— Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! — просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

4. В третий день третьей луны...

В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях.

Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья — и конец очарованию. До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе! А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд... Чудесная картина!

5. Прекрасна пора четвертой луны...

Прекрасна пора четвертой луны во время праздника Камо. Парадные кафтаны знатнейших сановников, высших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более темному или более светлому. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца. Так и веет прохладой!

Негустая листва на деревьях молодо зеленеет. И как-то невольно залюбуешься ясным небом, не скрытым ни весенней дымкой, ни туманами осени. А вечером и ночью, когда набегут легкие облака, где-то в отдаленье прячется крик кукушки, такой

неясный и тихий, словно чудится тебе... Но как волнует он сердце!

Чем ближе праздник, тем чаще пробегают взад и вперед слуги, неся в руках небрежно обернутые в бумагу свертки шелка цвета «зеленый лист вперемешку с опавшим листом» или «индиго с пурпуром». Чаше обычного бросаются в глаза платья причудливой окраски: с яркой каймой вдоль подола, пестрые или полосатые.

Молодые девушки — участницы торжественного шествия — уже успели вымыть и причесать волосы, но еще не сбросили свои измятые, заношенные платья. У иных одежда в полном беспорядке. Они то и дело тревожно кричат: «У сандалий не хватает завязок!», «Нужны новые подметки к башмакам!» — и хлопотливо бегают, вне себя от нетерпения: да скоро ли наступит долгожданный день?

Но вот все готово! Непоседы, которые обычно ходят вприпрыжку, теперь выступают медленно и важно, словно бонза во главе молитвенного шествия. Так преобразил девушек праздничный наряд!

Матери, тетки, старшие сестры, парадно убранные, каждая прилично своему рангу, сопровождают девушек в пути. Блистательная процессия!

Иные люди годами стремятся получить придворное звание куродо, но это не так-то просто. Лишь в день праздника дозволено им надеть одежду светло-зеленого цвета с желтым отливом, словно они настоящие куродо. О, если б можно было никогда не расставаться с этим одеянием! Но, увы, напрасные потуги: ткань, не затканная узорами, выглядит убого и невзрачно.

6. Случается, что люди называют одно и то же...

Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова несхожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины.

Простолюдины любят прибавлять к словам лишние слоги.

Немногословие прекрасно.

7. Отдать своего любимого сына в монахи...

Отдать своего любимого сына в монахи, как это горестно для сердца! Люди будут смотреть на него, словно на бесчувственную деревяшку.

Монах ест невкусную постную пищу, он терпит голод, недосыпает. Молодость стремится ко всему, чем богата жизнь, но стоит монаху словно бы ненароком бросить взгляд на женщину, как даже за такую малость его строго порицают.

Но еще тяжелее приходится странствующему заклинателю — гэндзя. Он бродит по дальним тропам священных гор Митакэ и Кумано. Какие страшные испытания стерегут его на этом трудном пути! Но лишь только пройдет молва, что молитвы его имеют силу, как все начнут зазывать к себе. Чем больше растет его слава, тем меньше ему покоя.

Порой заклинателю стоит больших трудов изгнать злых духов, виновников болезни, он измучен, его клонит в сон... И вдруг слышит упрек: «Только и знает, что спать, ленивец!» Каково тогда у него на душе, подумайте!

Но все это дело глубокой старины. Ныне монахам живется куда вольготней.

8. Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы...

Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы, готовясь принять свою госпожу у себя в доме, перестроил Восточные ворота, поставив над ними высокую кровлю на четырех столбах, и паланкин государыни внесли через этот вход.

Но придворные дамы решили въехать через Северные ворота, где стоит караульня, думая, что в столь поздний час стражников там не будет.

Иные из нас были растрепаны, но и не подумали причесаться. Ведь экипажи подкатят к самому дому простые слуги, а они не в счет.

Но, как на грех, плетенный из пальмовых листьев кузов экипажа застрял в тесных воротах.

Постелили для нас дорожку из циновок. Делать нечего! Мы были в отчаянии, но пришлось вылезти из экипажа и шествовать пешком через весь двор. Придворные и челядинцы собрались толпой возле караульни и насмешливо на нас поглядывали.

Какой стыд, какая досада!

Явившись к императрице, мы рассказали ей о том, что случилось.

— Но ведь и здесь, в глубине покоев, вас могут увидеть люди! Зачем же так распускаться? — улыбнулась государыня.

— Да, но здесь все люди знакомые, они к нам пригляделись, — сказала я. — Если мы не в меру начнем прихорашиваться, многие, чего доброго, сочтут это подозрительным. И потом, кто бы мог ожидать? Перед таким домом — и вдруг такие тесные ворота, экипажу не проехать!

Тут как раз появился сам Наримаса.

— Передайте это государыне, — сказал он мне, подсунув под церемониальный занавес тушечницу императрицы.

— Ах, вы ужасный человек! — воскликнула я. — Зачем построили такие тесные ворота?

— Мое скромное жилище под стать моему скромному рангу, — с усмешкой ответил Наримаса.

— Но построил же некогда один человек низкого звания высокие ворота перед своим домом...

— О страх! — изумился он. — Уж не говорите ли вы об Юй Динго? Вот не ожидал, что кто-нибудь, кроме старых педантов, слышал о нем! Я сам когда-то шел путем науки и лишь потому смог понять ваш намек.

— Но здешний «путь» не слишком-то был мудро устроен. Мы все попадали на ваших циновках. Такая поднялась сумятица...

— Полил дождь, что же прикажете делать? Но полно, полно, вашим придиркам конца не будет. — И Наримаса поспешно исчез.

— Что случилось? Наримаса так смутился, — осведомилась государыня.

— О, право, ничего! Я только рассказала ему, как наш экипаж застрял в воротах, — ответила я и удалилась в покои, отведенные для фрейлин.

Я делила их вместе с молодыми придворными дамами.

Нам так хотелось спать, что мы уснули сразу, ни о чем не позаботившись. Опочивальня наша находилась в западной галерее Восточного павильона. Скользящая дверь вела оттуда во внутренние покои, но мы не заметили, что она не заперта.

Наримаса, как хозяин дома, отлично это знал. Он приоткрыл дверь и каким-то чужим, охрипшим голосом несколько раз громко крикнул:

— Позвольте войти к вам, можно?

Я проснулась, гляжу: позади церемониального занавеса ярко горит высокий светильник, и все отлично видно.

Наримаса говорит с нами, приоткрыв дверь вершков на пять. Вид у него презабавный!

До сих пор он никогда не позволял себе ни малейшей вольности, а тут, видно, решил, что раз мы поселились в его доме, то ему все дозволено.

Я разбудила даму, спавшую рядом со мной.

— Взгляните-ка! Видели ли вы когда-нибудь нечто подобное?

Она подняла голову, взглянула, и ее разобрал смех.

— Кто там прячется? — крикнула я.

— Не пугайтесь! Это я, хозяин дома. Пришел побеседовать с вами по делу.

— Помнится, речь у нас шла о воротах в ваш двор. Но дверь в наши апартаменты я вас не просила открывать, — сказала я.

— Дались вам эти ворота! Дозвольте мне войти в ваши покои. Можно, можно?

— Нет, это возмутительно! Сюда нельзя, — со смехом заговорили дамы.

— А! Здесь и молоденькие есть! — И, притворив дверь, он удалился.

Раздался дружный хохот.

Уж если он решился открыть дверь в нашу опочивальню, то надо было пробраться к нам потихоньку, а не испрашивать дозволения во всю силу голоса.

Кто бы откликнулся ему: пожалуйста, милости просим? Что за смехотворная нелепость!

На другое утро я рассказала императрице о ночном происшествии.

Государыня молвила с улыбкой:

— Никогда не слышала о нем ничего подобного. Верно, он был покорен твоим остроумием. Право, жаль его! Он жестоко терпит от твоих нападков.

Императрица повелела приготовить парадные одежды для прислужниц маленькой принцессы.

— А какого цвета должно быть, как бишь его, «облачение», что носят они поверх нижнего платья? — осведомился Наримаса.

Общему смеху конца не было.

— Для принцессы обычная посуда не годится. Надо изготовить «махонький» подносик и «махонькие» чашечки, — сказал Наримаса.

— Да, — подхватила я, — и пусть ее светлости прислуживают девушки в этих, как бишь их, «облачениях».

— Полно, не насмешничай, это недостойно тебя. Он человек честный и прямой, — вступилась за него государыня. Как чудесно звучали в ее устах даже слова укоризны!

Однажды, когда я дежурила в покоях императрицы, мне доложили:

— С вами желает говорить господин управитель.

— Что он еще скажет, чем насмешит нас? — любопытствовала императрица. — Ступай поговори с ним.

Я вышла к нему. Наримаса сказал мне:

— Я поведал брату моему тюнагону историю с Северными воротами. Он был восхищен вашим ост-

роумием и стал просить меня устроить встречу с вами: «Я бы желал при удобном случае побеседовать с нею».

Наримаса не прибавил к этому ни одного двусмысленного намека, но у меня сердце замерло от страха. Как бы Наримаса не завел речь о своем ночном визите, чтобы смутить меня.

На прощание он бросил мне:

— В следующий раз я погощу у вас подольше.

— Что ему было нужно? — спросила императрица.

Я без утайки пересказала все, о чем говорил мне Наримаса. Дамы со смехом воскликнули:

— Не такое это было важное дело, чтобы вызывать вас из апартаментов государыни. Мог бы, кажется, побеседовать с вами в ваших собственных покоях.

— Но ведь Наримаса, верно, судил по себе, — заступилась за него императрица. — Старший брат, в его глазах высший авторитет, с похвалой отозвался о тебе, вот Наримаса и поспешил тебя порадовать.

Как прекрасна была государыня в эту минуту!

9. Госпожа кошка, служившая при дворе...

Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки чиновников пятого ранга, и ее почтительно титуловали госпожой мёбу. Она была прелестна, и государыня велела особенно ее беречь.

Однажды, когда госпожа мёбу разлеглась на веранде, приставленная к ней мамка по имени Ума-но мёбу, прикрикнула на нее:

— Ах ты, негодница! Сейчас же домой!

Но кошка продолжала дремать на солнышке. Мамка решила ее припугнуть:

— Окинамаро́, где ты? Укуси мёбу-но омóто!

Глупый пес набросился на кошку, а она в смертельном страхе кинулась в покои императора. Государь в это время находился в зале утренней трапезы. Он был немало удивлен и спрятал кошку у себя за пазухой.

На зов государя явились куро́до — Тадатака́ и Наринака́.

— Побить Окинамаро! Сослать его на Собачий остров сей же час! — повелел император.

Собрались слуги и с шумом погнались за собакой. Не избежала кары и Ума-но мёбу.

— Отставить мамку от должности, она нерадива, — приказал император.

Ума-но мёбу больше не смела появляться перед высочайшими очами.

Стражники прогнали бедного пса за ворота. Увы, давно ли сам То-но бэн вел его, когда в третий день третьей луны он горделиво шествовал в процессии, увенчанный гирляндой из веток ивы. Цветы персика вместо драгоценных шпилек, на спине ветка цветущей вишни, вот как он был украшен. Кто бы мог тогда подумать, что ему грозит такая несчастная судьба.

— Во время утренней трапезы, — вздыхали дамы, — он всегда был возле государыни. Как теперь его не хватает!

Через три-четыре дня услышали мы в полдень жалобный вой собаки.

— Что за собака воеет без умолку? — спросили мы.

Псы со всего двора стайей помчались на шум.

Скоро к нам прибежала служанка из тех, что убирают нечистоты:

— Ах, какой ужас! Двое мужчин насмерть избивают бедного пса. Говорят, он был сослан на Собачий остров и вернулся, вот его и наказывают за ослушание.

Сердце у нас защемило: значит, это Окинамаро!

— Его бьют куродо Тадатака́ и Санэфусá, — добавила служанка.

Только я послала гонца с просьбой прекратить побои, как вдруг жалобный вой затих.

Посланный вернулся с известием:

— Издох. Труп выбросили за ворота.

Все мы очень опечалились, но вечером к нам подполз, дрожа всем телом, какой-то безобразно распухший пес, самого жалкого вида.

— Верно, это Окинамаро? Такой собаки мы здесь не видели, — заговорили дамы.

— Окинамаро! — позвали его, но он словно бы не понял. Мы заспорили. Одни говорили: «Это он!», другие: «Нет, что вы!»

Государыня повелела:

— Укóн хорошо его знает. Кликните ее.

Пришла старшая фрейлина Укон. Государыня спросила:

— Неужели это Окинамаро?

— Пожалуй, похож на него, но уж очень страшен на вид, — ответила госпожа Укон. — Бывало, только я крикну «Окинамаро!», он радостно бежит ко мне, а этого сколько ни зови, не идет. Нет, это не он! Притом ведь я слышала, что бедного Окинамаро забили насмерть. Как мог он остаться в живых, ведь его нещадно избивали двое мужчин!

Императрица была огорчена.

Настали сумерки, собаку пробовали накормить, но она ничего не ела, и мы окончательно решили, что это какой-то приبلудный пес.

На другое утро я поднесла императрице гребень для прически и воду для омовения рук. Государыня велела мне держать перед ней зеркало.

Прислуживая государыне, я вдруг увидела, что под лестницей лежит собака.

— Увы! Вчера так жестоко избили Окинамаро. Он, наверно, издох. В каком образе возродится он теперь? Грустно думать, — вздохнула я.

При этих словах пес задрожал мелкой дрожью, слезы у него так и потекли-побежали.

Значит, это все-таки был Окинамаро! Вчера он не посмел отозваться. Мы были удивлены и тронуты.

Положив зеркало, я воскликнула:

— Окинамаро!

Собака подползла ко мне и громко залаяла.

Государыня улыбнулась.

Она призвала к себе госпожу Укон и все рассказала ей.

Поднялся шум и смех.

Сам государь пожаловал к нам, узнав о том, что случилось.

— Невероятно! У бессмысленного пса — и вдруг такие глубокие чувства, — шутливо заметил он.

Дамы из свиты императора тоже толпой явились к нам и стали звать Окинамаро по имени. На этот раз он поднялся с земли и пошел на зов.

— Смотрите, у него все еще опухшая морда, надо бы сделать примочку, — предложила я.

— Ага, в конце концов пришлось ему выдать себя! — смеялись дамы.

Тадатака услышал это и крикнул из Столового зала:

— Неужели это правда? Дайте, сам погляжу.

Я послала служанку, чтобы сказать ему:

— Какие глупости! Разумеется, это другая собака.

— Говорите себе что хотите, а я разыщу этого подлого пса. Не спрячете от меня, — пригрозил Тадатака.

Вскоре Окинамаро был прощен государем и занял свое прежнее место во дворце.

Но и теперь я с невыразимым волнением вспоминаю, как он стонал и плакал, когда его пожалели.

Так плачет человек, услышав слова сердечного сочувствия.

А ведь это была простая собака... Разве не удивительно?

10. Первый день года и третий день третьей луны...

Первый день года и третий день третьей луны особенно радуют в ясную погоду.

Пусть хмурится пятый день пятой луны. Но в седьмой день седьмой луны туманы должны к вечеру рассеяться.

Пусть в эту ночь месяц светит полным блеском, а звезды сияют так ярко, что, кажется, видишь их живые лики.

Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются благоуханной влагой, и аромат цветов станет от этого еще сильнее.

А до чего хорошо, когда рано на рассвете дождь кончится, но небо все еще подернуто облаками, кажется, вот-вот снова посыплются капли!

11. Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность...

Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность, выражают свою радостную благодарность.

Распустив по полу длинные шлейфы, с табличками в руках, они почтительно стоят перед императором. Потом с большим усердием исполняют церемониальный танец и отбивают поклоны.

12. Хотя караульня в нынешнем дворце...

Хотя караульня в нынешнем дворце расположена у Восточных ворот, ее по старой памяти называют Северной караульней.

Поблизости от нее поднимается к небу огромный дуб.

— Какой он может быть высоты? — удивлялись мы.

Господин почетный тюдзё Наринобу пошутил в ответ:

— Надо бы срубить его у самого корня. Он мог бы послужить опахалом для епископа Дзётё.

Случилось так, что епископ этот был назначен настоятелем храма Ямасина́ и явился благодарить императора в тот самый день, когда господин Наринобу стоял во главе караула гвардии.

Епископ выглядел устрашающей громадиной, ведь он, как нарочно, надел сандалии на высоких подставках.

Когда он удалился, я спросила Наринобу:
— Что же вы не подали ему опахало?
— О, вы ничего не забываете! — засмеялся тот.

13. Горы

Горы Огура — «Сумерки», Касэ — «Одолжи!», Микаса — «Зонтик», Конокурэ — «Лесная сень», Ири-тати — «Заход солнца», Васурэдзу — «Не забуду!», Суэномацу — «Последние сосны», Катасары — «Гора смущения», — любопытно знать: перед кем она так смущалась?

Горы Ицувата — «Когда же», Каэру — «Вернешься», Нотисэ — «После...».

Гора Асакурá — «Кладовая утра». Как она прекрасна, когда глядишь на нее издали!

Прекрасная гора Охирэ. Ее имя заставляет вспомнить танцоров, которых посылает император на праздник храма Ивасимидзу.

Прекрасны горы Мивá — «Священное вино».

Гора Тамукэ — «Возденем руки». Гора Матиканэ — «Не в силах ждать». Гора Тамасака — «Жемчужные склоны». Гора Миминаси — «Без ушей».

14. Рынки

Рынок Дракона. Рынок Сатó.

Среди множества рынков в провинции Ямато всего замечательней рынок Цубá. Паломники непременно посещают его по дороге в храмы Хасэ, и он словно тоже причастен к поклонению богине Кáннон.

Рынок Офусá. Рынок Сикама. Рынок Асукá.

15. Горные пики

Горные пики Юдзурува, Амида, Иятака.

16. Равнины

Равнина Мика́. Равнина Асита. Равнина Сонохара.

17. Пучины

Касикофу́ти — «Пучина ужаса»... Любопытно, в какие мрачные глубины заглянул тот, кто дал ей такое название?

Пучина Наирисо́ — «Не погружайся!» — кто кого так остерег?

Аоиро́ — «Светло-зеленые воды» — какое красивое имя! Невольно думаешь, что из них можно бы сделать одежды для молодых куродо.

Пучины Какурэ́ — «Скройся!», Инá — «Нет!».

18. Моря

Море пресной воды. Море Ёса. Море Кавафути.

19. Императорские гробницы

Гробница Угүису — «Соловей». Гробница Касиваги — «Дубовая роща». Гробница Амэ — «Небо».

20. Переправы

Переправа Сикасугá. Переправа Корпдзумá.

Переправа Мидзухáси — «Водяной мост».

21. Чертоги (?)

Яшмовый чертог (?).

22. Здания

Враталевой гвардии. Прекрасны также дворцы Нидзё, Итидзё. И еще — дворцы Сомэдоно-но мия́. Сэкайин, Сугавара-но ин, Рэнсэйин, Канъин, Су-

дзакуйн, Оно-но мия, Кобай, Агата-но идó, Тосандзё, Кохатидзё, Коитидзё.

23. В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэн...

В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэн на скользящей двери, ведущей из бокового зала в северную галерею, изображено бурное море и люди страшного вида: одни с непомерно длинными руками, другие с невероятно длинными ногами. Когда дверь в покои императрицы оставалась открытой, картина с длиннорукими уродами была хорошо видна.

Однажды придворные дамы, собравшись в глубине покоев, со смехом глядели на нее и говорили, как она ужасна и отвратительна!

Возле балюстрады на веранде была поставлена ваза из зеленоватого китайского фарфора, наполненная ветками вишни. Прекрасные, осыпанные цветами ветви, длиною примерно в пять локтей, низко-низко перевешивались через балюстраду...

В полдень пожаловал господин дайнагón Корэтика́, старший брат императрицы. Его кафтан «цвета вишни» уже приобрел мягкую волнистость. Темно-пурпурные шаровары затканы плотным узором. Из-под кафтана выбиваются края одежд, внизу несколько белых, а поверх них еще одна, парчовая, густо-алого цвета.

Император пребывал в покоях своей супруги, и дайнагон начал докладывать ему о делах, заняв место на узком деревянном помосте, перед дверью, ведущей в покои государыни.

Позади плетеной шторы, небрежно спустив с плеч китайские накидки, сидели придворные дамы

в платьях «цвета вишни», лиловой глицинии, желтой керри и других модных оттенков. Концы длинных рукавов выбивались из-под шторы, закрывавшей приподнятую верхнюю створку небольших ситóми, и падали вниз, до самого пола.

А тем временем в зале для утренней трапезы слышался громкий топот ног: туда несли подносы с кушаньем. Раздавались возгласы: «Эй, посторонись!»

Ясный и тихий день был невыразимо прекрасен. Когда прислужники внесли последние подносы, было объявлено, что обед подан.

Император вышел из главных дверей. Дайнагон проводил его и вернулся назад, к осененной цветами балюстраде.

Государыня откинула занавес и появилась на пороге. Нас, ее прислужниц, охватило безотчетное чувство счастья, мы забыли все наши тревоги.

Пусть луна и солнце
Переменят свой лик,
Неизменным пребудет
На горе Мимурó, —

медленно продекламировал дайнагон старое стихотворение.

Я подумала: «Чудесно сказано! Пусть же тысячу лет пребудет неизменным этот прекрасный лик».

Не успели придворные, прислуживавшие за обедом императору, крикнуть, чтобы унесли подносы, как государь вернулся в покои императрицы.

Государыня приказала мне:

— Разотри тушь.

Но я невольно загляделась на высочайшую чету, и работа у меня не ладилась.

Императрица сложила в несколько раз белый лист бумаги:

— Пусть каждая из вас напишет здесь старинную танку, любую, что вспомнится.

Я спросила у дайнагона, сидевшего позади шторы:

— Как мне быть?

Но дайнагон ответил:

— Пишите, пишите быстрее! Мужчине не подобает помогать вам советом.

Государыня передала нам свою тушечницу.

— Скорее! Не раздумывайте долго, пишите первое, что на ум придет, хоть «Нанива́дзу», — стала она торопить нас.

Неужели все мы до того оробели? Кровь хлынула в голову, мысли спутались. Старшие фрейлины, бормоча про себя: «Ах, мучение!» — написали всего две-три танки о весне, о сердце вишневых цветов и передали мне бумагу со словами:

— Ваша очередь.

Вот какое стихотворение припомнилось мне:

Промчались годы,
Старость меня посетила,
Но только взгляну
На этот цветок весенний,
Все забываю печали.

Я изменила в нем один стих:

...Но только взгляну
На моего государя,
Все забываю печали.

Государь изволил внимательно прочесть то, что мы написали.

— Я хотел испытать быстроту ума каждой из вас, не больше, — заметил он и к слову рассказал вот какой случай из времен царствования императора Энью. Однажды император повелел своим приближенным: «Пусть каждый из вас напишет по очереди одно стихотворение вот здесь, в тетради».

А им этого смертельно не хотелось. Некоторые стали отнекиваться, ссылаясь на то, что почерк у них, дескать, нехорош.

«Мне нужды нет, каким почерком написано стихотворение и вполне ли отвечает случаю», — молвил император.

Все в большом смущении начали писать.

Среди придворных находился наш нынешний канцлер, тогда еще тюдзё третьего ранга.

Ему пришла на память старинная танка:

Как волны морские
Бегут к берегам Идзумо,
Залив ли, мыс ли,
Так мысли, все мои мысли
Стремятся только к тебе.

Он заменил лишь одно слово в конце стихотворения:

Так мысли, все мои мысли
Стремятся к тебе, государь.

Император весьма похвалил его.

При этих словах у меня невольно испарина выступила от сердечного волнения.

«Вряд ли молодые дамы сумели так написать, как я? — подумалось мне. — Иные из них в обычное время пишут очень красиво, но тут до того потеря-

лись от страха, что, наверно, сделали множество ошибок».

Императрица положила перед собой тетрадь со стихами из «Кокінсю». Прочитав вслух начало танки, она спрашивала, какой у нее конец. Некоторые песни мы денно и ночью твердили наизусть, так почему же теперь путались и все забывали?

Госпожа сáйсё помнила от силы с десятков стихотворений... Скажешь ли, что она знаток поэзии? Другие и того хуже: помнили всего пять-шесть. Лучше бы сразу сознаться начистоту, но дамы лишь стонали и сетовали:

— Ах, разве можно упрямо отказываться, когда государыня изволит спрашивать?

Ну, не смешно ли?

Если ни одна из нас не могла припомнить последних строк стихотворения, императрица читала его до конца и отмечала это место в книге закладкой.

— Ах, уж его-то мы отлично знали! И отчего вдруг память отказала? — жаловались дамы.

В самом деле, странно! Ведь сколько раз переписывали они «Кокінсю», с начала до конца, могли бы, кажется, запомнить!

Вот что по этому случаю рассказала нам императрица:

«В царствование императора Мурака́ми жила одна дама, близкая к государю. Прозвали ее Сэньё-дэ́н-но нёго, а отцом ее был Левый министр, имевший свою резиденцию в Малом дворце на Первом проспекте. Но вы, наверно, все об этом слышали.

Когда она была еще юной девушкой, отец так наставлял ее:

«Прежде всего упражняй свою руку в письме. Затем научись играть на семиструнной цитре так хорошо, чтобы никто не мог сравниться с тобой в этом искусстве. Но наипаче всего потрудись прилежно заучить на память все двадцать томов «Кокінсю».

Это дошло до слуха императора Мурака́ми. Однажды в День удаления от скверны он принес с собой «Кокінсю» в покои госпожи Сэньэдэн и сел позади церемониального занавеса. Ей показалось это странным и необычным.

Император разложил перед собой тома «Кокінсю» и начал спрашивать:

«Кто сочинил это стихотворение, в каком году, каком месяце и по какому поводу?»

Госпожа Сэньэдэн на все могла дать точный ответ, так, мол, и так. Но в душе, наверно, была в полном смятении. Какой позор, если б она ошиблась хоть в малости или что-то позабыла!

Император призвал двух-трех придворных дам, особо сведущих в поэзии, и приказал им при помощи фишек для игры подсчитать, сколько песен знает госпожа Сэньэдэн. А ей он строго-настрого велел отвечать на вопросы.

Какое это было, наверно, волнующее и прекрасное зрелище! Можно позавидовать тем, кто тогда имел счастье там присутствовать.

Государь снова начал испытание. Но не успеет он дочитать танку до конца, как госпожа Сэньэдэн уже дает точный ответ, не ошибившись ни в одном слове.

Императора даже досада взяла. Ему непременно хотелось поймать ее хоть на небольшой обмолвке. Так пролистал он первые десять томов.

«Дальше продолжать бесполезно», — молвил государь и, положив закладку в книгу, удалился в свою опочивальню. Какое торжество для госпожи Сэньдэн!

Проспав немало времени, император вдруг пробудился.

«Нет, — сказал он себе, — можно ли покинуть поле битвы, пока не решен исход? Ведь если отложить испытание до завтра, она, пожалуй, успеет освежить в памяти последние десять томов!»

«Нынче же доведу дело до конца», — решил император и, повелев зажечь светильники, продолжал экзамен до глубокой ночи.

И все же госпожа Сэньдэн осталась непобежденной. Император вновь удалился к себе, а придворные поспешили сообщить отцу ее — Левому министру — обо всем, что произошло.

Взволнованный до глубины души, Левый министр повелел совершить служение во многих храмах, а сам, обратившись лицом к императорскому дворцу, читал всю ночь благодарственные молитвы богам.

Вот подлинная страсть к поэзии!

Выслушав с глубоким вниманием рассказ императрицы, государь воскликнул:

— А я так с трудом могу прочитать подряд три-четыре тома стихов!

— В старину даже люди низкого звания знали толк в поэзии. Разве в наше время так бывает? — оживленно толковали между собой дамы, прибли-

женные к императрице, и дамы, прибывшие в свите императора.

Я слушала с восторгом, позабыв обо всем на свете, так увлекла меня эта беседа.

24. Какими ничтожными кажутся мне те женщины...

Какими ничтожными кажутся мне те женщины, которые, не мечтая о лучшем будущем, ревниво блюдут свое будничное семейное счастье!

Я хотела бы, чтоб каждая девушка до замужества побывала во дворце и познакомилась с жизнью большого света! Пусть послужит хоть недолгое время в должности нэйси-но сукэ.

Терпеть не могу придирчивых людей, которые злословят по поводу придворных дам. Положим, нет дыма без огня. Придворная дама не сидит затворницей, она встречается с множеством людей.

Кроме высочайших особ, если я смею помянуть их, она видит вельмож, царедворцев, сановников, фрейлин и разных прочих людей. А разве она может брезгливо уклониться от встреч с женщинами простого звания? Ведь сколько их во дворце: камеристки и служанки, прибывшие во дворец вместе со своей госпожой из ее родного дома, низшие прислужницы, вплоть до последних служанок, убирающих нечистоты, кого ценят не более чем обломок черепицы!

Господа мужчины, столь немилосердно порицающие нас, вряд ли вынуждены разговаривать с любой челядинкой, нам же этого не избежать. А ведь если мужчина служит во дворце, то заводит там самые пестрые знакомства.

Когда придворная дама выходит замуж, ей оказывают всяческое почтение, но в душе думают, что каждый знает ее в лицо и что не найдешь в ней прежней наивной прелести.

Спору нет, это так. Но разве малая честь для мужа, если жену его титулуют госпожой найси-но сукэ? Она посещает дворец, ее посылают от имени императора на празднество Камо.

Иные дамы, оставив придворную службу, замыкаются в кругу семьи и находят там свое счастье. Но они не уронят себя, если им случится побывать во дворце, например, по случаю Пляски пяти танцовщиц, когда правители провинций присылают во дворец своих юных дочерей. Бывшая придворная дама сумеет соблюсти хороший тон и не будет задавать глупых вопросов. А это очень приятно.

25. То, что наводит уныние

Собака, которая воет посреди белого дня.

Верша для ловли рыб, уже ненужная весной.

Зимняя одежда цвета алой сливы в пору третьей или четвертой луны.

Погонщик, у которого издох бык.

Комната для родов, где умер ребенок.

Жаровня или очаг без огня.

Ученый высшего звания, у которого рождаются только дочери.

Остановишься в чужом доме, чтобы «изменить направление пути», грозящее бедой, а хозяин как раз в отъезде. Особенно это грустно в День встречи весны.

Досадно, если к письму, присланному из провинции, не приложен гостинец. Казалось бы, в этом

случае не должно радовать и письмо из столицы, но зато оно всегда богато новостями. Узнаешь из него, что творится в большом свете.

С особым старанием напишешь кому-нибудь письмо. Пора бы уже получить ответ, но посланный тобой слуга подозрительно запаздывает. Ждешь долго-долго, и вдруг твое письмо, красиво завязанное узлом или скрученное на концах, возвращается к тебе назад, но в каком виде! Испачкано, смято, черта туши, для сохранности тайны проведенная сверху, бесследно стерта.

Слуга отдает письмо со словами:

«Дома не изволят быть» или: «Нынче, сказали, соблюдают День удаления, письма принять не могут».

Какая досада!

Или вот еще. Посылаешь экипаж за кем-нибудь, кто непременно обещал приехать к тебе. Ждешь с нетерпением. Слышится стук подъезжающей повозки. Кто-то кричит: «Вот наконец пожаловали!»

Спешишь к воротам. Но экипаж тащат в сарай, оглобли со стуком падают на землю.

Спрашиваешь:

— В чем дело?

— А дома не случилось. Говорят, изволили куда-то отбыть, — отвечает погонщик и уводит в стойло распряженного быка.

Или вот еще. Зять, принятый в семью, перестает навещать свою жену. Большое огорчение! Какая-то важная особа сосватала ему дочку одного придворного. Совестно перед людьми, а делать нечего!

Кормилица отпросилась «на часочек». Утешаешь ребенка, забавляешь. Пошлешь к кормилице приказ

немедленно возвращаться... И вдруг от нее ответ: «Нынче вечером не ждите». Тут не просто в уныние придешь, этому имени нет, гнев берет, до чего возмутительно!

Как же сильно должен страдать мужчина, который напрасно ждет свою возлюбленную!

Или еще пример.

Ожидаешь всю ночь. Уже брезжит рассвет, как вдруг — тихий стук в ворота. Сердце твое забилося сильнее, посылаешь людей к воротам узнать, кто пожаловал.

Но называет свое имя не тот, кого ждешь, а другой человек, совершенно тебе безразличный. Нечего и говорить, какая тоска сжимает тогда сердце!

Заклинатель обещал изгнать злого духа. Он велит принести четки и начинает читать заклинания тонким голосом, словно цикада верещит.

Время идет, а незаметно, чтобы злой дух покинул больного или чтобы добрый демон-защитник явил себя. Вокруг собрались и молятся родные больного. Всех их начинают одолевать сомнения.

Заклинатель из сил выбился, уже битый час он читает молитвы.

— Небесный защитник не явился. Вставай! — приказывает он своему помощнику и забирает у него четки.

— Все труды пропали! — бормочет он, ероша волосы со лба на затылок, и ложится отдохнуть немало.

— Любит же он поспать! — возмущаются люди и без всякой жалости трясут его, будят, стараются из него хоть слово выжать.

Печальное зрелище!

Или вот еще.

Дом человека, который не получил должности в дни, когда назначаются правители провинций.

Прошел слух, что уж на этот раз его не обойдут. Из разных глухих мест к нему съезжаются люди, когда-то служившие у него под началом, с виду сущие деревенщины. Все они полны надежд.

То и дело видишь во дворе оглобли подъезжающих и отъезжающих повозок. Каждый хочет сопровождать своего покровителя, когда он посещает храмы. Едят, пьют, галдят наперебой.

Время раздачи должностей подходит к концу. Уже занялась заря последнего дня, а еще ни один вестник не постучал в ворота.

— Право, это странно! — удивляются гости, поминутно настораживая уши.

Но вот слышатся крики передовых скороходов: советники государя покидают дворец.

Слуги с вечера зябли возле дворца в ожидании вестей, теперь они возвращаются назад с похоронными лицами.

Люди в доме даже не решаются их расспрашивать. И только приезжие провинциалы любопытствуют:

— Какую должность получил наш господин?

Им неохотно отвечают:

— Он по-прежнему экс-губернатор такой-то провинции. Все надежды рухнули, какое горькое разочарование!

На следующее утро гости, битком набившие дом, потихоньку отбывают один за другим. Но иные состарились на службе у хозяина дома и не могут

так легко его покинуть, они бродят из угла в угол, загибая пальцы на руках. Подсчитывают, какие провинции окажутся вакантными в будущем году.

Унылая картина!

Вы послали кому-то стихотворение. Вам оно кажется хорошим, но увы! Не получаете «ответной песни». Грустно и обидно. Если это было любовное послание, что же, не всегда можно на него отозваться. Но как не написать в ответ хоть несколько ничего не значащих любезных слов... Чего же стоит такой человек?

Или вот еще.

В оживленный дом ревнителя моды приносят стихотворение в старом вкусе, без особых красот, сочиненное в минуту скуки стариком, безнадежно отставшим от века.

Тебе нужен красивый веер к празднику. Заказываешь его прославленному художнику. Наступает день торжества, веер доставлен... и на нем — кто бы мог ожидать! — намалеван безобразный рисунок.

Посланный приносит подарок по случаю рождения ребенка или отъезда в дальний путь, но ничего не получает в награду.

Неприменно нужно вознаградить слугу, хотя бы он принес пустячок: целебный шар кусудáма или колотушку счастья. Посланный от души рад, он не рассчитывал на щедрую мзду.

Иной раз слуга не сомневается, что его ждет богатая награда. Сердце у него так и прыгает. Но надежды его обмануты, и он возвращается назад мрачнее тучи.

* * *

В семью приняли молодого зятя, но прошло четыре-пять лет, и еще ни разу в доме не поднимали суматоху, спеша приготовить покои для родов. Какой печальный дом! У престарелых супругов много взрослых сыновей и дочерей, пора бы, кажется, и внучатам ползать по полу и делать первые шаги. Старики прилегли отдохнуть в одиночестве. На них вчуже глядеть грустно. Что же должны чувствовать их собственные дети!

Вечером в канун Нового года весь дом в хлопотах. Лишь кто-то один лениво встает с постели после дневного отдыха и плещется в горячей воде. Сил нет, как это раздражает!

А еще наводят уныние:

долгие дожди в последний месяц года;

один день невоздержания в конце длительного поста.

26. То, к чему постепенно теряешь рвение

Каждодневные труды во время поста.

Приготовление к тому, что еще не скоро наступит.

Долгое уединение в храме.

27. То, над чем посмеиваются

Обвалившаяся ограда.

Человек, который прослыл большим добряком.

28. То, что докучает

Гость, который без конца разглагольствует, когда тебе некогда. Если с ним можно не считаться,

спровадишь его без долгих церемоний: «После, после...» Но какая же берет досада, если гость — человек значительный и прервать его неловко.

Растираешь палочку туши и вдруг видишь: к тушечнице прилип волосок. Или в тушь попал камушек и царапает слух пронзительным «скрип-скрип».

Кто-то внезапно заболел. Посылаешь слугу с наказом скорей привести заклинателя, а того, как нарочно, дома нет. Ищут повсюду. Ждешь, не находя себе места.

Как долго тянется время! Наконец — о радость! — явился. Но он, должно быть, лишь недавно усмирлял демонов. Садится усталый и начинает сонным голосом бормотать заклинания себе под нос. Большая досада!

Человек, не блещущий умом, болтает обо всем на свете с глупой ухмылкой на лице.

А иной гость все время вертит руки над горящей жаровней, трет и разминает, поджаривая ладони на огне. Кто когда видел, чтобы молодые люди позволяли себе подобную вольность? И только какой-нибудь старик способен небрежно положить ногу на край жаровни, да еще и растирать ее во время разговора.

Такой бесцеремонный гость, явившись к вам с визитом, первым делом взмахами веера сметает во все стороны пыль с того места, куда намерен сесть. Он не держится спокойно, руки и ноги у него все время в движении, он заправляет под колени переднюю полу своей «охотничьей одежды», вместо того чтобы раскинуть ее перед собой.

Вы думаете, что столь неблаговоспитанно ведут себя только люди низкого разбора, о ком и говорить-то не стоит? Ошибаетесь, и чиновные господа не лучше. К примеру, так вел себя третий секретарь императорской канцелярии.

А иной упьется рисовой водкой и шумит вовсю. Обтирая неверной рукой рот и поглаживая бороденку, если она у него имеется, сует чарку соседу в руки, — до чего противное зрелище!

«Пей!» — орет он, подзадоривая других.

Посмотришь, дрожит всем телом, голова качается, нижняя губа отвисла... А потом еще и затянет ребячью песенку:

В губернскую управу я пошел...

И так ведут себя, случалось мне видеть, люди из самого хорошего круга. Скверно становится на душе! Завидовать другим, жаловаться на свою участь, приставать с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности, — как это мерзко!

Ребенок раскричался как раз тогда, когда ты хочешь к чему-то прислушаться.

Вороны собрались стайей и носятся взад-вперед с оглушительным карканьем.

Собака увидела кого-то, кто потихоньку пробирався к тебе, и громко лает на него. Убить бы эту собаку!

Спрячешь с большим риском кого-нибудь там, где быть ему не дозволено, а он уснул и храпит!

Или вот еще.

Принимаешь тайком возлюбленного, а он явился в высокой шапке! Хотел пробраться незамеченным, и вдруг шапка за что-то зацепилась и громко шуршит.

Мужчина рывком перебрасывает себе через голову висящую у входа плетеную штору — и она отчаянно шелестит. Если это тяжелая штора из бамбуковых палочек, то еще хуже! Нижний край ее упадет на пол с громким стуком. А ведь, кажется, нетрудное дело — поднять штору беззвучно.

Зачем с силой толкать скользящую дверь? Ведь она сдвинется бесшумно, стоит только чуть-чуть ее приподнять. Даже легкие сёдзи издадут громкий скрип, если их неумело толкать и дергать. До чего же неприятно!

Тебя клонит в сон, ты легла и уже засыпаешь, как вдруг тонким-тонким голосом жалобно запевает москит, он кружит над самым твоим лицом и даже, такой маленький, умудряется навевать ветерок своими крылышками. Изведет вконец.

Скрипучая повозка невыносимо раздирает уши. Если едешь в чужом экипаже, то даже владелец его становится тебе противен.

Рассказываешь старинную повесть. Вдруг кто-то подхватил нить твоего рассказа и продолжает сам. Несносный человек! И вообще несносен каждый, будь то взрослый или ребенок, кто прерывает тебя и вмешивается в разговор.

К тебе случайно забежали дети. Приласкаешь их, подаришь какие-нибудь безделушки. И уж те-

перь от них отбою нет, то и дело врываются к тебе, хватают и разбрасывают все, что им попадет на глаза.

В дом или во дворец, где ты служишь, явился неприятный для тебя посетитель. Прикинешься спящей, но не тут-то было! Твои служанки будят тебя, трясут и расталкивают с укоризненным видом: как, мол, не совестно быть такой соней! А ты себя не помнишь от досады.

Придворная дама служит без году неделя, а туда же: берется всех поучать с многоопытным видом и, непростенная, навязывает свою помощь! Терпеть не могу таких особ!

Человек, близкий твоему сердцу, вдруг начинает хвалить до небес свою прежнюю возлюбленную. Не особенно это приятно, даже если речь идет о далеком прошлом. Но, предположим, он лишь недавно расстался с нею? Тут уж тебя заденет за живое. Правда, нет худа без добра: в этом случае легче судить, что к чему.

Гость чихнул и бормочет заклинание. Нехорошо! Только разве один хозяин дома может позволить себе такую вольность.

Блохи — препротивные существа. Скачут под платьем так, что, кажется, оно ходит ходуном.

Когда собаки где-то вдалеке хором поднимают протяжный вой, просто жуть берет, до чего неприятное чувство!

Кто-то открыл дверь и вышел, а закрыть за собой и не подумал. Какая докука!

29. То, что заставляет сердце сильнее биться

Как взволнованно твое сердце, когда случается:

Кормить воробьиных птенчиков.

Ехать в экипаже мимо играющих детей.

Лежать одной в покоях, где курились чудесные благовония. Заметить, что драгоценное зеркало уже слегка потускнело.

Слышать, как некий вельможа, остановив свой экипаж у твоих ворот, велит слугам что-то спросить у тебя.

Помыв волосы и набелившись, надеть платье, пропитанное ароматами. Даже если никто тебя не видит, чувствуешь себя счастливой.

Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра.

30. То, что дорого как воспоминание

Засохшие листья мальвы.

Игрушечная утварь для кукол.

Вдруг заметишь между страницами книги когда-то заложенные туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.

Веер «Летучая мышь» — память о прошлом лете.

31. То, что радует сердце

Прекрасное изображение женщины на свитке в сопровождении многих искусно написанных слов.

На обратном пути с какого-нибудь зрелища края женских одежд выбиваются из-под занавесок, так переполнен экипаж. За ним следует большая свита, умелый погонщик гонит быка вовсю.

Сердце радуется, когда пишешь на белой и чистой бумаге из Митино́ку такой тонкой-тонкой кистью, что, кажется, она и следов не оставит.

Крученые мягкие нити прекрасного шелка.

Во время игры в кости много раз подряд выпадают счастливые очки.

Гадатель, превосходно владеющий своим искусством, возглашает на берегу реки заклятия против злых чар.

Глоток воды посреди ночи, когда очнешься от сна.

Томишься скукой, но вдруг приходит гость, в обычное время не слишком тебе близкий. Он сообщает последние светские новости, рассказывает о разных событиях, забавных, горестных или странных, о том, о другом... Во всем он осведомлен, в делах государственных или частных, обо всем говорит толково и ясно. На сердце у тебя становится весело.

Посетив какой-нибудь храм, закажешь там службу. Бонза в храме или младший жрец в святилище против обыкновения читает молитвы отчетливо, звучным голосом. Приятно слушать.

32. Экипаж знатного вельможи с кузовом из пальмовых листьев...

Экипаж знатного вельможи с кузовом из пальмовых листьев должен ехать спокойно и плавно. Если он мчится слишком быстро, это оскорбляет глаза.

Но зато чем скорее промелькнет мимо обычный экипаж с сетчатым кузовом, тем лучше. Едва показался — и уже исчез, только и заметишь бегущих